

Иоанна-Яна Калния

«Сие есть Тело Мое, еже за вы ломимое»: пастырское служение сщмч. Дмитрия Клепинина (1904–1943)

16 января 2004 г. священник Дмитрий Клепинин (1904–1944) вместе с монахиней Марией (Скобцовой), ее сыном Георгием (Юрием) Скобцовым, прот. Алексеем Медведковым и Ильей Фондаминским был причислен Константинопольским патриархатом к лику святых Православной церкви.

Люди в жизни крайне небрежны друг к другу. Мы обычно проходим мимо людей, не замечая их, потому что они не представляют собой ничего примечательного — ни по внешности, ни по манере говорить: просто обыкновенные люди. Скромные, застенчивые. Таким был о. Дмитрий в жизни. А между тем это был замечательный человек и священник. [Из воспоминаний Ф.Т. Пьянова, 3, с. 42].

Писать о святых очень трудно. Внешне они могут ничем не отличаться от нас. Но в этих людях воля Божия исполнилась до конца. Именно потому и нужны нам жизнеописания святых. Мы можем вдохновляться тем, как человек, с виду обыкновенный, обрел святость и просиял в истории церкви. Читая о святых, мы понимаем, что подвиг христианской жизни невозможно исполнить силами человеческими. Только исполняя волю Божию, человек обретает ту силу, которая в немощи совершается*.

* 2 Кор 12:9

Мы попытаемся рассказать о служении и подвиге мученичества свящ. Дмитрия Клепинина. Нами использованы материалы, описывающие жизнь и служение о. Дмитрия, ставшие широко доступными благодаря публикациям последних лет. Особое внимание мы старались уделить тем свидетельствам, которые позволяют увидеть *пастырское дарование* о. Дмитрия.

Детство

Дмитрий Андреевич Клепинин родился в 1904 г. на Кавказе, в городе Пятигорске. Он был третьим ребенком в семье Андрея Николаевича и Софьи Александровны Клепониных. Отец его был известным архитектором, строил храмы. Мать была по образованию педагогом. Через два года после рождения Дмитрия семья переехала в Одессу. Там Софья Александровна основала детский сад, а затем гимназию. В этих учебных заведениях царил дух творчества. Софья Александровна преподавала Закон Божий. Она была также одним из первых мировых судей в Одессе, обслуживала бедные кварталы, помогая нуждающимся и обездоленным. Эта деятельность спасла ей жизнь в 1919 г., когда она была арестована ЧК. Софью Александровну узнал и выручил молодой чекист, знавший ее по этой работе.

Семья Клепониных была интеллигентной, с широкими культурными интересами, очень музыкальной. Родители Дмитрия были людьми верующими, но нецерковными; как свидетельствует о них А.Н. Гиппиус, «людьми боголюбивыми и человеколюбивыми». В семье любили читать Евангелие, а Софья Александровна сама писала молитвы. Незадолго до своей смерти она посвятила одну из молитв Дмитрию (ему в то время было 17 лет, позднее эта молитва встречается в его дневниковой записи 1929 г.):

Прими, Отец, молитву детей Твоих. Приди невидимо, благослови и подай детям Твоим долгие дни, здоровье, веселье и друг ко другу любовь. Дай росу небесную для растений земных, наполни дома наши Твоей тишиной и Твоей радостью. Любовь совершенную, чуждую страха дай нам, Господи. Аминь.

Эта молитва сыграла исключительную роль в жизни Дмитрия, наполнила ее любовью и жалостью ко всему живому.

О детских годах Дмитрия мы узнаем, в основном, из дневниковых записей Анны Николаевны Гиппиус, двоюродной сестры Софьи Александровны, сохранившихся в архиве Е.Д. Клепининой-Аржаковской. Она была, по слову митр. Евлогия (Георгиевского),

женщина высокого христианского качества, праведница, имела большое духовное влияние на Дмитрия Клепинина и очень его любила [4, с. 162].

Анна Николаевна отмечает, что крестный путь о. Дмитрия, окончившийся в концлагере мученической кончиной, начался для него еще в раннем детстве. Будучи младенцем, Дима заболел воспалением легких. Болезнь грозила смертельным исходом, и врачи не скрывали этого от матери. В критическую минуту Софья Александровна сложила посиневшие пальчики своего сына для крестного знамения и перекрестила его ручкой. Она просталась с сыном, вручая его в руки Господа. Неожиданно Господь даровал Диме исцеление. И вся жизнь Дмитрия с этого момента будет посвящена исполнению воли Божьей о нем.

Эта болезнь оставила след на всю жизнь, приобщила к страданию. Дмитрий с детских лет отличался слабостью здоровья, что приводило к ощущению своей умаленности и беспомощности. Он был замкнут и сосредоточен на своем внутреннем мире. Но это помогло его душе открыться для сострадания ко всем слабым и обиженным. Он всегда был окружен друзьями, которые нуждались в поддержке. Общение с Дмитрием давало им возможность преодолеть отчужденность и уныние. Впоследствии эти два качества — постоянная сосредоточенность, внимание к своей духовной жизни и в то же время забота и милосердное отношение к окружающим, особенно убогим, страдающим, отвергнутым жизнью, — привели Дмитрия в его духовном поиске к служению священника. Он стал незаурядным пастырем, последней паствой которого были заключенные немецкого лагеря Дора. Там в мученической кончине он исполнил до конца волю Божию о себе, положив душу свою за други своя*.

* Ин 15:13

Выбор духовного пути

Знаменательно сложилась судьба о. Дмитрия. Его духовным отцом был о. Сергей Четвериков — и вера, светлая и непобедимая, привела о. Дмитрия к мученическому венцу. А его крестным отцом был Д.С. Мережковский — и нелегким путем пришел о. Дмитрий ко Христу... [3, с. 36].

Как уже было сказано, он рос в семье верующей, но нецерковной, дети не были приобщены к церковной традиции. В разгар большевистского террора Дмитрий поступил служить юнгой на торговый пароход, где все члены команды очень любили его. В Константинополе, несколько месяцев спустя, он вновь соединился со своей семьей, куда она прибыла после эвакуации. Затем

вслед за отцом, которому предложили хорошую работу, семья Клепининых переезжает в Югославию, в Белград.

Сохранились свидетельства о двух важных эпизодах трудного духовного пути о. Дмитрия. Первый произошел в Одессе, когда Дмитрию было 15 лет. Узнав об аресте матери, он почувствовал желание помолиться и зашел в храм женского монастыря. Не будучи воспитанным в церковной традиции, он стоял во время службы, заложив руки за спину. Одна из монахинь сделала ему замечание в резкой форме. Этого оказалось достаточно для того, чтобы долгое время он не мог заходить в церковь.

Второй эпизод — уже в Югославии — также был связан с его матерью. Это случилось через несколько лет после ее смерти, на ее могиле. Дмитрий Андреевич писал об этом С.С. Шидловской:

Я в первый раз понял значение страданий, когда осознал, что все, на что я надеялся в жизни, ушло от меня. Об этом моменте я всегда вспоминаю как о самом тяжелом в моей жизни и о самом радостном... Почти всякий человек переживал в жизни такой острый момент опустошения или кризиса. Но радость посетила меня, когда на память пришли слова Спасителя: «Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Аз упокою вы. Возьмите иго Мое на себя и научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и обрящете покой душам вашим. Иго бо Мое благо и бремя Мое легко есть». Я пришел на могилу моей матери с тяжелым игом житейским, и все казалось таким запутанным и безысходным — и нашел легкое бремя Христово. После этого я иначе устроил свою жизнь [4, с. 106].

Большое значение для укрепления в вере имело для Дмитрия участие в студенческом православном кружке. Кружок был основан в Белграде друзьями Дмитрия по Кавказу.

Кружок был совершенно исключительный по силе религиозного чувства, по духовной взволнованности, по широкой открытости проблемам религиозным, философским, социальным, общекультурным... [3, с. 38].

Из воспоминаний Н.М. Зернова:

Свое единство мы нашли в Церкви. Она была для нас «столпом и утверждением истины», силой, способной возродить каждого человека и преобразить нашу родину. <...> Учение Православия о свободе человека, о даре богообщения, данного людям, помогли нам понять себя. <...> Мы осознали... что старые

образцы перестали удовлетворять человечество. Мы знали также, что на крови, насилии и ненависти нельзя построить лучшего будущего. Из кружка, из старших руководителей его, вышли многие видные деятели Зарубежной церкви, экуменического движения, РСХД... [3, с. 38].

Впоследствии живое и неформальное общение в кружке отразилось на всем служении Дмитрия как священника.

Подготовка к служению

Еще в годы духовного становления Дмитрия Господь даровал ему общение с митр. Антонием (Храповицким), о. Алексеем Нелюбовым, которые часто посещали студенческий православный кружок. Духовное общение с ними и помогло Дмитрию обрести путь, на который он был призван. В 1925 г. он поступает в только что основанный в Париже богословский институт. В годы учебы главным наставником Дмитрия стал о. Сергей Булгаков. О тех годах свидетельствует Ф.Т. Пьянов:

Богословский институт был для о. Дмитрия духовным домом. Хотя он не был богословом в точном смысле слова, тем не менее, его духовная связь с о. Сергием Булгаковым была огромна. Я думаю, он воспринимал о. Сергия Булгакова не столько как ученого-богослова, но как личность, которая прошла тернистый, скорбный путь, как и вся русская интеллигенция, от марксизма к Церкви. Дмитрий поражался его огромным творческим даром. <...> Я глубоко чувствовал у о. Дмитрия почитание Богоматери — несомненно, влияние о. Сергия. Отец Дмитрий почитание это применял к жизни — к скорби народа, ко всякой живой твари. К утешению этой скорби, мне кажется, и был призван о. Дмитрий [4, с. 15]¹.

По окончании богословского института Дмитрий получил диплом и стипендию для обучения в богословской семинарии в Нью-Йорке, где занимался, главным образом, изучением посланий апостола Павла. Через них Дмитрию открывается смысл любви и призвание человека в этом мире. В одном из писем к С.С. Шидловской, с которой его в те годы соединяла горячая дружба, он писал:

1. Ср. 2 Кор 1:4: «...утешающий нас во всей нашей скорби, чтобы мы могли утешать находящихся во

всякой скорби тем утешением, которым Бог утешает нас самих!».

У ап. Павла есть мысль, что основа закона — любовь. В Ветхом Завете эта любовь в законе почти не раскрывается. Она есть лишь средство к правильному взаимоотношению людей между собой и людей к Богу. Такова же любовь гуманистическая, современная. Это — средство или сила, устраивающая и преобразующая жизнь. Но это все из-за того, что люди не могли вместить любви; по существу же отношение Бога к людям было то же, так как Бог неизменен. В Новом Завете отпадает прикладное значение любви. Таковы заповеди о рубаше, которую просят, и о верхней одежде, которую не просят, о поприще, которое просят пройти, и втором, которое не просят идти. Здесь дающий забывает о поводе и сосредотачивается на самой личности просящего. Здесь стирается грань своего я и другого лица. И, конечно, полнота этого — омовение ног ученикам и крестные страдания. Такова и притча о блудном сыне. Ветхий Завет исчерпывается желанием блудного сына вернуться в качестве наемника, а полное отношение Бога к человеку — возложение риз, перстня и заклание тельца [4, с. 104].

Слова о. Дмитрия свидетельствуют о том, что ему открывается единственный смысл жизни — возрастание в любви к Богу и ближнему. Цель жизни видится ему ясной и простой: она есть возвращение к источнику любви — Христу. Сама жизнь представляется ему лишь испытанием любви. Он пишет:

В будущем веке не будет веры и надежды, останется только освобожденная от всего прикладного — Любовь. Она несомненно есть содержание жизни, так как жизнь сотворена любовью и заключается в возвращении к первооснове — Любви. Все остальное есть испытание воли к этому возвращению. Все положительное вырастает из любви, все отрицательное — неправильное выражение любви — паразит на теле любви. Такова сущность всякого греха, а следствие его — страдание, отдаление от любви. ...В жизни будущего века жизнь и будет — любовью, а любовь — жизнью [4, с. 104–105].

Мы не встретим у о. Дмитрия тщательно разработанного богословского учения или исследования. Но можно почувствовать, что каждая его мысль исходила из самой глубины его личного общения с Богом, истинность которого он подтвердил своей жертвенной жизнью, достигшей вершины в мученической смерти. Истоки ее и умножение духовных сил мы видим в письме о. Дмитрия:

Особенно ярко идея любви как самоцели выражается в мученичестве. Св. Игнатий Богоносец в своей молитве перед мучениями просит зверей,

чтобы они смололи его тело, чтобы оно превратилось в зерно, дабы стать Хлебом Христовым [4, с. 106].

Любовь к Богу и ближнему до самопожертвования, до отдания себя «на съедение зверям XX века» стала его целью и исполнилась в его жизни до конца.

Но впереди еще был путь — путь смирения и страданий. Достаточно рано Дмитрий осознает свое призвание стать священником, но не видит себя монахом. В течение семи лет (1930–1937) он много и тяжело работает, чтобы прокормиться, его укрепляет глубокая вера в любовь Божию и Его милосердие. В эти годы он ищет спутницу жизни. Ему открывается смысл брака как неотъемлемой части исполнения Божьего плана о человеке, не вмещающем путь монашеский. В любви главное — другой. В браке люди встречаются так близко и тесно, что могут дойти до той глубины, где только Христос, став посреди них, может их соединить.

Я думаю, что брак есть путь к любви. Человек в браке начинает узнавать любовь. Это большая возможность научиться любви. «Друг друга тяготы носите, и тако исполните закон Христов». А законом Христовым называется любовь. Любовь — как дар служения другому и терпение его личности. Вообще, когда две личности связываются, как бы то ни было, им приходится, главным образом, научиться терпеть, и два выхода: ненависть или любовь [4, с. 11].

Наконец, как награду за верность избранному пути, Господь посылает ему спутницу жизни. На одном из съездов РСХД Дмитрий знакомится с Тамарой Федоровной Баймаковой, которая стала его женой и поделила все радости и страдания крестного пути. Они повенчались в церкви Коломбель в Нормандии в 1937 г. В тот же год Дмитрий был рукоположен в дьяконы, а затем в священники митрополитом Евлогием.

Служение

...Придите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от основания мира. Ибо голоден был Я, и вы дали Мне есть; жаждал, и напоили Меня; странником был, и приняли Меня; наг, и одели Меня; болен был, и посетили Меня; в тюрьме был, и пришли ко Мне. *Мф 25:34–36*²

Первоначально о. Дмитрия назначают третьим священником во Введенскую церковь при РСХД — приход, настоятелем которого был о. Сергей Четвериков. В июне 1938 г. в семье Клепининых родилась дочь Елена, а осенью 1939 г. митрополит Евлогий назначает о. Дмитрия настоятелем церкви Покрова Пресвятой Богородицы при общежитии матери Марии (Скобцовой) на улице Лурмель.

Отец Дмитрий не был ни ученым богословом, ни ярким проповедником. За свою короткую жизнь он почти не оставил записей (кроме дневника и сохранившихся писем), у него просто не было для этого времени. Отец Дмитрий прежде всего был пастырем. И этот дар раскрылся в его жизни — он старался быть *всем для всех*³, утешал и поддерживал. В трудные годы войны он не щадил своих сил, окормляя свою многочисленную паству, крестил, венчал, отпевал. Прихожане чувствовали его необыкновенную доброту и мягкость, готовность прийти на помощь. Но «когда вопрос касался Христовой Истины, он становился непоколебим» [4, с. 21]. Эта черта сблизила его с матерью Марией. Несмотря на разницу в возрасте и темпераменте, они стали друзьями и прошли совместный путь служения вплоть до мученической кончины. Их объединила глубокая, искренняя и самоотверженная любовь ко Христу и страдающим людям.

С приходом о. Дмитрия на Лурмель обстановка на приходе изменилась. Об этом вспоминает С.Б. Пиленко, мать мон. Марии: «В последние годы какой-то особенный мир царил в нашей церкви...» [4, с. 21].

При о. Дмитрие — немногословном, тихом, спокойном — «Православное дело», задуманное матерью Марией, «вступило в новое русло, а мать Мария могла полагаться на постоянную моральную и духовную поддержку» [2, с. 123].

2. Здесь и далее цитаты из Нового завета приведены в переводе еп. Кассиана (Безобразова).

3. 1 Кор 9:22–23: «...я стал для немощных немощным, чтобы приобрести немощных. Для всех я сделался всем, чтобы спасти, во что бы то ни стало, некоторых. И все я делаю для Евангелия, чтобы стать соучастником его».

Назначение на Лурмель очень обрадовало о. Дмитрия в первую очередь возможностью самостоятельной работы как священника. Весь груз физических и моральных нужд и сложных человеческих взаимоотношений прихожан этого большого прихода лег на плечи человека, отнюдь не отличавшегося крепким физическим здоровьем. Отец Дмитрий был удивительно отзывчив и всегда приходил на помощь по первому зову, оставив все свои дела.

И этот не знавший покоя человек каялся перед своими духовными детьми в нерадивости, небрежении, забывчивости, лени, а между тем не было случая нужды, в которой он не пришел бы на помощь, не было больного, которого он не посетил, не было прихожанина, жизнь которого он не знал бы точно и глубоко. Он настаивал на том, что человеку нужно помочь не только духовно, но и физически, и что голодному трудно понимать отвлеченное [4, с. 175].

Отец Дмитрий разделил с матерью Марией заботу о старушках, живших в доме на ул. Лурмель. В эти тяжелые годы он стал опорой для очень многих и многих спас. На рассудительные сомнения в искренности всех людей, которые приходили в церковь в то время, он отвечал со свойственной ему прямоотой и непосредственностью:

Если человек, застигнутый грозой, забежит в церковь, чтобы укрыться от нее, имею ли я право не впустить его?

Разве мы спрашиваем у человека, стучащегося в нашу дверь в чаянии спасения, кто он? [4, с. 175].

Отец Дмитрий очень ценил свт. Филиппа, митрополита Московского, который исповедовал правду и заступался за гонимых. Он даже устроил маленькую церковь имени святителя. Отец Дмитрий любил также ссылаться, особенно в дни оккупации, на свт. Иоанна Златоуста, который спас от смерти своего ненавистника и гонителя — евнуха императрицы. Отец Дмитрий ценил свт. Иоанна Златоуста за то, что он даже своему злейшему врагу не отказал в праве убежища. Отсутствие сомнений в искренности людей, искавших убежища в церкви в дни тяжких испытаний, не было у о. Дмитрия наивностью. Это была, скорее, предельная открытость и доверие к Богу и людям. Это не значит, что он не видел зла, но он был выше его, верил в потенциальную возможность каждого человека покаяться и войти в Церковь Божию. И эта вера в человека объединяла его с матерью Марией.

Я — пастырь добрый. Пастырь добрый душу свою полагает за овец. *Ин 10:11*

Все служения в церкви устроятся по примеру Самого Христа, «ибо и Сын Человеческий не для того пришел, чтобы Ему послужили, но чтобы послужить и дать душу Свою как выкуп за многих» *. Отец Дмитрий в своем пастырском служении во всем следовал Его примеру. Он всегда был готов придти на помощь нуждающимся в утешении, слабым и обиженным. Часто он помогал людям душевнобольным, впавшим в депрессию. Сила любви и сострадания к выброшенным из жизни людям помогала выводить их из «состояния адского» [4, с. 177]. Будучи человеком очень занятым, он находил время для неустанный попечения о таких людях. Одна из духовных дочерей о. Дмитрия вспоминала, как он спас ее из состояния горькой безнадежности.

* Мк 10:45

Он научил меня молиться, он молился за меня, молился со мной, лечил меня Церковью. Он приобщил меня к жизни Церкви. Он всем существом своим — не поучениями — дал мне понять, что такое любовь [4, с. 177].

Но и когда человеку становилось легче, о. Дмитрий, как истинный пастырь, не оставлял его, теперь уже для того, чтобы помочь ему приобщиться к служению. Отвлекая от себя и своих страданий, он «разворачивал» своих духовных чад к миру, «включая в цепь страданий других» [4, с. 177]. Основное его лечение состояло в отвлечении страдающего от самого себя, от своего горя указанием на горе других, на необходимость действенной помощи другим. Так его духовные чада становились соратниками Бога в сострадании отверженным обществом и их спасении. Отец Дмитрий всегда радовался со своими духовными чадами их успехам в этом нелегком служении. Духовная дочь отца Дмитрия М. Кравченко вспоминала, как он помогал ей «спасать одного впавшего в грехи человека, пьяницу»:

Ночей не спал, поджидая его у дверей гостиницы, на улице, у ворот. Больного лечил легко и осторожно — дружбой и любовью. Давал попить святой воды, выносил просфору, но к причастию не допускал, пока «не улягутся страсти». Мы служили молебны об его исцелении — и оно совершилось, и начало его совпадало с Преображением Господнем, праздником, который о. Дмитрий любил особенно [4, с. 174].

Кто одного из таких детей примет во имя Мое, Меня принимает, и кто Меня принимает, не Меня принимает, но Пославшего Меня. *Мк 9:37*

Время оккупации Франции гитлеровскими войсками было тяжелым для русских эмигрантов. Множество забытых, брошенных, больных русских томились в госпиталях, убежищах. Отец Дмитрий помогал им, трудности как бы не существовали для него. Не было денег, но нашлись жертвователи, и дело пошло. Многие люди озлобились, потеряли надежду из-за нечеловеческих условий жизни, непосильных страданий вследствие утраты близких. У о. Дмитрия был дар находить таких людей. Он добровольно взял на себя крест ответственности за страдания в мире всякой души, жаждущей Бога. Одна из духовных дочерей о. Дмитрия вспоминает:

Он был необыкновенно прост той особой простотой, которая граничит с мудростью; к каждому человеку подходил прямо и легко, как ребенок. Не то что бы не знал зла, но игнорировал его сознательно, всегда полагая центр тяжести на лучшем, возможном, еще не осуществленном, но данном [4, с. 173].

Он никогда не стремился быстрее крестить человека, исцелить участием в таинствах церкви. Наоборот, видя немощь души человеческой, он прежде залечивал душевные раны своей неустанной заботой и любовью. И если сам человек, обретая веру в ходе исцеления, хотел войти в Церковь, он тщательно готовил его к таинству Крещения. Несмотря на тяжелое военное время и то, что смерть могла придти в любой момент, он не спешил, давая душе человеческой созреть для встречи с Христом.

Пастырская деятельность о. Дмитрия не ограничивалась состраданием и душевной поддержкой. Он объяснял духовным чадам смысл литургии, заботился об их просвещении. Духовная дочь о. Дмитрия вспоминает:

Он был очень умен, склад ума его был, как мне кажется, сократический. На труднейшие вопросы отвечал просто, часто в форме вопросительной же, и сказанное им запечатлевалось особенно в памяти [4, с. 174].

Одно из таких предельно простых и ясных объяснений смысла слов «Милость мира — жертва хваления» запомнилось его духовной дочери:

Лучшая жертва, приносимая человеком Богу, есть милость, то есть любовь [4, с. 175].

В его собственной жизни жертвенная любовь воплотилась до смерти крестной. Вслед за своим Учителем он прошел крестный путь, так же как Он, положив душу свою за други своя*.

* Ин 15:13

Исповедник. Духовник

Я — дверь: через Меня если кто войдет, спасен будет, и войдет и выйдет, и пастбище найдет. *Ин 10:9*

Василий Зеньковский вспоминал, что первое время о. Дмитрий служил очень медленно. Эта его медлительность объяснялась необыкновенной чувствительностью к внешним обстоятельствам: он старался устранить все, что мешало ему сосредоточиться перед Престолом. Его проповеди были краткими. Часто они состояли из одной-двух мыслей, но эти мысли исходили из самой глубины.

...Проповеди произносились им из того сакраментального подъема, в котором он пребывал. Очень скоро о нем стали говорить как о прекрасном исповеднике, его наставления дышали духовной пронизательностью. И как в юности, так и теперь, в священстве, он был скуп на слова, но вкладывал в слова то, что чувствовал [4, с. 168].

В 1941 году митр. Евлогий сказал о нем:

Отец Дмитрий хоть и молодой священник, а замечательный духовник, и я от многих, многих знаю об этом [4, с. 169].

Немногие знают, что митр. Евлогий советовал своим духовным чадам после его смерти исповедоваться у о. Дмитрия. Он был другом для прихожан и молитвенником за своих духовных чад. Известны его слова:

Не с людьми надо говорить о Боге, надо Богу говорить о людях [8, с. 36].

В одном из писем другу он писал о молитве:

Я очень верю в силу молитвы о близких. Больше, чем в силу молитвы за себя. Молитва есть проникновение в ту область, где нет обособленности личностей, а где мы предстоим перед Богом, как нечто целое. Где чувства и мысли одних слагаются с чувствами и мыслями других [4, с. 96].

По свидетельствам многих духовных чад о. Дмитрия, у него был дар исповедника, благодаря которому многие люди под его руководством входили в Церковь. Лучшими наставниками по исповеди он признавал о. Феодосия, владыку Антония (Храповицкого) и владыку Евлогия (Георгиевского). Учился он и у архиеп. Вениамина (Федченкова). Несомненно, помогал ему о. Александр Ельчанинов, отметивший его пастырский дар еще в годы учебы в Богословском институте в Париже. Близкий друг и единомышленник о. Дмитрия Ф.Т. Пьянов вспоминает:

Он был не строгий исповедник, он был скорее строг к себе [4, с. 179].

Но рядом с ним его духовные чада сами научались этой строгости к себе благодаря его примеру.

Никогда, ни в каких случаях он не морализировал, он, как всякий духовный отец, помогал, вживался в трудности исповедующегося, разделял эти трудности, брал на себя бремя их, практически помогая кающейся душе стоять обнаженной перед Богом, Любовь Которого никогда ни при каких условиях не оставляет своим милосердием [4, с. 180].

Отец Дмитрий помогал своим чадам, открывая свою душу Богу в их присутствии. Пьянов размышлял о том, почему само по себе правило перед исповедью не приводит нас к искреннему покаянию, не дает отвращения ко греху, хотя слова правила принадлежат великим святым. И он пришел к выводу: Богу нужна наша открытость, наша отдача в Его руки, а мы по немощи или небрежности не открываем Ему свою душу. В своих воспоминаниях Ф.Т. Пьянов пишет:

Действующий всюду и на всех Христос говорит, что там, где двое или трое во имя Мое, там и Я среди вас. Исповедь своих грехов есть стояние перед Христом, пострадавшим за нас. Другое: как безмерно тяжело иногда вынести свои страдания, особенно моральные, одному, как радостно их высказать Богу и разделить с другим. Отец Дмитрий разделял их [4, с. 180].

Еще одно свидетельство об опыте исповеди у о. Дмитрия:

Он мало говорил, не проповедовал, не учил. Он не был красноречив. Его проповедь — это его жизнь [4, с. 178].

Он никогда не корил, не обличал, всегда как бы сам извинялся за грехи своих «детей» и любил их всех равной, ласковой любовью. Строгий к себе, он был необычайно снисходителен к другим: никогда не возлагал на других «бремя тяжкое», не требовал невозможного, не наказывал, а жалел. За все время нашего знакомства я никогда не слышал от него слова осуждения, раздраженного или даже огорченного отзыва о ком-либо [4, с. 174].

Кроме редкого дара исповедника, о. Дмитрий обладал удивительно мирным духом, даром примирения и объединения. Его дневниковые записи открывают нам глубину его понимания церкви, важности примирения и объединения ее чад:

Церковь есть живое тело. Смерть временная не разделяет церкви, в ней все — живые и умершие. Она обладает вечной памятью. Смерть не изглаживает ее, ибо Церковь — над смертью. Забвение является только вследствие иной смерти, смерти духовной, причиной которой является нелюбовь. Нелюбящий член Церкви отделяется от Церкви, существо жизни которой есть любовь. Нелюбящий пребывает в смерти, во тьме и неведении. Любить Христа — значит любить Церковь, которая есть тело Его. Любить — значит жить в ней [4, с. 68].

Сохранилась запись в дневнике, свидетельствующая о том, как остро будущий священник Дмитрий ощущал необходимость глубины своей собственной жизни во Христе, требовательности к самому себе, к чистоте отношений, к жизни в евангельском духе, в любви Христовой.

Св. Максим Исповедник говорил, что если и весь мир причастится с еретиками, он не причастится. Это не гордыня, не обособление, это стояние на камне, на котором вся Церковь, от которой он не хочет отделяться ради любви к ней, ради любви к Христу. Этому построению себя на камне способствует познание Его. Познается чрез жизнь в церкви, чрез любовь, выраженную в единстве соборном. Жизнь в соборном единстве любви утверждает нас на камне, и когда вдруг разрушается это единство и наступает время, когда нет кругом нас мира и мы должны взять меч, тогда мы не падаем, только если стоим на камне. Иногда не с кем соединиться и познать правду единства, но если быть воспитанным жизнью единства, тогда обладаешь истин-

ным единством, даже когда ты один. Но ты никогда не один, ты с Христом и Церковью православною на небесах [4, с. 69].

Отец Дмитрий не был многословен, но всегда поражала точность его мысли. «Руки священника не принадлежат ему», — говорил он. Не только руки, но и сердце, и всю свою жизнь он отдал пастырскому служению. «Всегда чувствовалось, что пастырское дело не только захватывало его, не только крепло и росло, но что оно было в самом центре его духовной жизни», — вспоминал прот. Василий Зеньковский, которому в связи с арестом о. Дмитрия 9 февраля 1943 г. пришлось на некоторое время заменять его в церкви. Во время этого служения он особенно ясно узнал, каким необыкновенным пастырем был о. Дмитрий. Об о. Дмитрие он вспоминает со светлой радостью и благодарностью за то, «что в нем больше, чем в других священниках, открывалась мне тайна Церкви» [5, с. 47–48].

В 1941 году о. Дмитрий служил на ул. Лурмель молебен за Россию, собрав множество русских эмигрантов, которые хотели в этот сложный момент слышать родную русскую речь.

Даже в стенах нацистского лагеря Компьень, куда о. Дмитрий был отправлен гестаповцами после ареста, его пастырское служение не прервалось. Заключенные лагеря стали его последними прихожанами. Один из них был Ф.Т. Пьянов. Он вспоминает слова о. Дмитрия:

Если бы я не был священником, если бы я не делал этого, я был бы самым несчастным человеком... Мой, Богом данный мне путь, спас меня, и я только горюю и грущу, что так мало делаю; вот здесь мы заключены, как будто и делать нечего, а сколько я не сделал, потому что ленив... [3, с. 55].

Мученичество

И другие овцы есть у Меня — не из этого двора, и тех Мне надлежит привести, и голос Мой они услышат, и будет одно стадо, один Пастырь. *Ин 10:16*

Служение о. Дмитрия в храме на улице Лурмель началось одновременно с началом Второй мировой войны. События развивались с ужасающей быстротой: уже в июне 1940 г. германская армия вступает в Париж. Во Франции проводится регистрация

«неблагонадежных» — в первую очередь русских эмигрантов. Готовятся гонения на французских евреев. В марте 1942 г. евреев во Франции, как ранее в Германии и Польше, обязывают носить «желтую звезду». В июне 1942 г. подписано секретное постановление о депортации всех французских евреев. А в июле в Париже начинаются первые массовые аресты евреев. Опасность ношения звезды проявилась с ужасающей ясностью в ночь с 15 на 16 июля 1942 г., когда в Париже были произведены массовые аресты. В это время главная задача матери Марии и о. Дмитрия — спасение евреев. Видя в них страдающего Христа, мать Мария в это время писала:

Нет еврейского вопроса, есть христианский вопрос. Неужели непонятно, что борьба идет против христианства? Если бы мы были настоящими христианами, мы бы все надели звезды [2, с. 134].

Отец Дмитрий крестил тех, кто просил его об этом, и выдавал свидетельства о крещении тем, кто не мог принять христианство. Вскоре сотням евреев были выданы свидетельства о принадлежности к Лурмельскому приходу. Такое свидетельство спасало человека от ареста. Многие семьи скрывались на Лурмель от преследования, а одна семья даже жила в комнате о. Дмитрия.

Размышляя о том, правильно ли он поступает, выдавая свидетельства неверующим, о. Дмитрий спросил совета у матери Марии. Она молчала, и тогда он сам ответил на свой вопрос: «Я полагаю, что милостивый Христос дал бы мне это свидетельство, если бы я был в подобном положении. Я тоже должен исполнить их просьбу» (из воспоминаний С.С. Куломзиной). Так искал он ответы на внутренние вопросы — соизмеряя себя и свои поступки с жизнью Христа. Он во всем старался подражать Христу. Ф.Т. Пьянов вспоминает:

Он не ставил проблем, но практически следовал всем заповедям Христа [4, с. 27].

Многим о. Дмитрий спас жизнь, но при этом он уважал свободный выбор каждого человека, давал ему возможность самому прийти к вере. Одна из спасенных им женщин, Т. Имбер, писала:

Я вспоминаю его держащим маленькие карточки, на которые он наклеивал фотографии своих «прихожан». Я думаю, что некоторые из них... могли бы стать его настоящими прихожанами [4, с. 198].

У него была целая картотека с фотографиями, и он заучивал наизусть данные этих людей, чтобы не подвести их при очной ставке. Имбер познакомилась с о. Дмитрием в 1942 г., когда пришла к нему с обычной для евреев в то время просьбой — выдать ей и ее шестилетней дочери свидетельство о крещении. В конце свидания он сказал: «Я думаю, за мной скоро придут. Они начинают подозревать меня» [4, с. 199]. И он не ошибся: 8 февраля 1943 г. гестаповцы нагрянули на Лурмель. Юрий Скобцов (сын матери Марии) был взят в заложники, а у о. Дмитрия отобрали удостоверение личности, приказав ему на следующее утро явиться в гестапо.

...Всякого, кто исповедает Меня перед людьми, исповедаю и Я его перед Отцом Моим, Который на небесах. *Мф 10:32*

Утром о. Дмитрий отслужил последнюю на свободе литургию — она совершалась в малом приделе, посвященном сщмч. Филиппу. Именно теперь проявился смысл этого посвящения.

Допрос о. Дмитрия продолжался четыре часа. Ему предлагали свободу, если он откажется помогать евреям. В ответ он показал свой наперсный крест с Распятием: «А этого еврея вы видели?». Последовал удар по лицу, — вспоминает мон. Елизавета [4, с. 26].

По приказу немецких властей общество «Православное дело» было уничтожено, а его деятели были отправлены в лагерь Компень. И там, по воспоминаниям союзников, «видя голодных, обездоленных, на грани отчаяния находящихся несчастных, о. Дмитрий не находил себе покоя, если не помогал» [4, с. 27]. Необычайно стойко он переносил свои страдания, говоря, что Христос претерпел еще больше. Но издевательства над другими людьми он спокойно вынести не мог, вплоть до того, что они вызывали в нем физическую боль [4, с. 184].

В Компеньском лагере о. Дмитрию удалось переоборудовать барак в церковь. Его жена смогла передать антиминс, что дало возможность совершать богослужение.

Каждый день служим литургию. Это все меняет... [4, с. 27].

В декабре 1943 г. узников переводят в лагерь Дора, где изготавливали ракеты ФАУ-2. Максимальное время, которое мог выдер-

жать человек в столь тяжелых условиях, — две недели. Отец Дмитрий быстро сдавал, вскоре он уже имел вид дряхлого старика. Друзья беспокоились о нем, понимая, что долго он не выдержит. На это он очень серьезно ответил: «Выдержу, но не долго». Друзья пытались добиться для него освобождения от тяжелых работ. Отец Дмитрий, как всегда бескомпромиссный, на вопрос надзирателя, сколько ему лет, честно ответил: 39. С.П. Жаба вспоминает:

Отец Дмитрий не способен был на неправду, как был неизбежен его арест, так стала неизбежна его смерть [3, с. 43].

Из лагеря о. Дмитрий писал жене и детям письма, полные горячей любви к ним: «Если, Бог даст, вернусь, как славно заживем». Спасая других, он не жалел ни себя, ни своих близких. Теперь, в лагере смерти, для них берег он последнее дыхание жизни.

...Это была не жажда жизни ради жизни, а продолжение того же подвига беспредельной любви. Желание сохранить жизнь для своих было теперь для других таким же примером, как и предшествовавшая сему жертва собой и своими [4, с. 191].

Он умер от плеврита, лежа на цементном полу камеры немецкого лагеря Дора, в тот день, когда заключенным было позволено написать первую открытку своим родным. У него уже не было сил ни писать, ни говорить. Свидетельство мон. Марии (Иглитской):

Изможденный священник позвал капо⁴ и попросил перекрестить его, взяв его руку, не имея сил сделать это самостоятельно. В этот момент он отдал Господу душу [4, с. 193].

Так и началась, и закончилась его жизнь, осененная силой крестного знамения, — жизнь осмысленная и прожитая как подлинное несение Креста. Отец Дмитрий умер ночью с 8 на 9 февраля 1944 г. в возрасте 39 лет.

Из воспоминаний Ф.Т. Пьянова:

Он знал силу Креста. Он остро чувствовал разлитое по земле зло, опасность его для судьбы человека, и знал и глубоко верил в силу значения Креста, спасающего человека и мир [4, с. 30–31].

4. Капо – надзиратель из пленных [4, с. 214].

Еще до принятия священства, в 1930 г. Дмитрий Клепинин, размышляя о своем духовном пути, писал в дневнике:

Каков путь христианина: радость или страдание? Страдание, так как он умирает со Христом телу плотскому, но это подавляется радостью, так как он совоскресает Христу и участвует в самом светлом процессе мира — созидании тела Христова, созидание это — все более раскрывающаяся жизнь, ведущая к необычайному свету, когда Бог будет всяческая во всем.

Помяни нас, Господи, во Царствии Твоем [4, с. 75].

После войны институтом «Яд Ва-Шем» в Иерусалиме были собраны свидетельства спасенных м. Марией и о. Дмитрием евреев. В саду «Яд Ва-Шем», который является мемориалом жертв Второй мировой войны, на аллее праведников есть два дерева, посаженные в память о праведниках мира — об отце Дмитриии и матери Марии. У них нет могил, куда благодарные потомки могли бы прийти почтить их память, но есть эти два дерева.

На отпевание о. Дмитрия собралось очень много молящихся. Присутствовавшая на отпевании Екатерина Рейтлингер писала сестре:

Было очень много народу... Удивительно — совершенно несказуемо — стало в храме после того, как владыка прочел отпусчную молитву (когда Церковь, отпуская ему все грехи, как бы напутствуя и благословляя, отпускает его в тот мир, к Господу). В храме стало как-то божественно радостно, светло и торжественно — словно на Пасху [4, с. 197].

Через всю жизнь о. Дмитрий пронес пасхальную радость воскресшего Христа. В его дневнике есть запись 1924 г.:

Это первая Пасха, когда я ощущал глубоко и светло распятого Господа, лежащего в гробу и затем воскресшего [4, с. 51].

Этой радостью было пронизано все его служение. Он дарил ее своим близким и духовным чадам при жизни и даже смертью своей утвердил воскресшего Христа. Его дочери Елене было 6 лет, когда он умер. Она писала, что у нее самой и у многих, с кем она говорила, не осталось тяжести от переживания утраты. Было очень светло на душе. «Как будто он вошел в алтарь и не вышел».

Из записи в дневнике известно, что о. Дмитрий хотел, чтобы после его смерти все его вещи были отданы нищим, а имя его

было занесено в синодики церкви и ежедневно поминалось на литургии [4, с. 48]. Это желание о. Дмитрия исполнилось, и более того — имя его навсегда сохранится в памяти людей в одном ряду с теми, кто оставил неизгладимый след в истории церкви. По словам о. Сергия Булгакова, о. Дмитрий явил «образ исповедника, в вере обретающего мужество» [4, с. 196].

Отец Дмитрий отдал жизнь за свою паству, за народ Божий. Его паствой были не только верные прихожане, но все отверженные и гонимые, которые просили убежища, спасаясь от смерти. Отец Дмитрий принес себя в жертву, возобновляющую слова Христа: «сие есть Тело Мое, еже за вы ломимое...» [8, с. 33].

Из дневника о. Дмитрия, 28 августа 1932 г.:

Закон Христов требует небольшого усилия, небольшой жертвы. Но что самое главное — это то, что жертва должна быть чиста. Она должна быть жертвой всесожжения, чтобы ничего из принесомого не оставалось жертвующему, так как остаток, не отданный Богу, немедля начинает гнить, окверняя своим зловонием благоухание жертвы.

Главное — верность до конца. Честность перед собой. Рассечение мечом до основания добра и зла. И так во всем самом малом [9, с. 65].

Литература

1. Аржаковская-Клепинина Е. Звезда Давида: Мать Мария и судьба еврейского народа // Христианос. 1999. № 8. С. 102–112.
2. Гаккель С., прот. Мать Мария. М., 1993.
3. Жаба С.П. За други своя... // Христианос. 2004. № 13. С. 35–44.
4. Жизнь и житие священника Дмитрия Клепинина. М.; Париж, 2004.
5. Зеньковский В., прот. Мои воспоминания об о. Дмитрие Клепинине // Христианос. 2004. № 13. С. 44–48.
6. Мария (Скобцова), мон. Размышления о судьбах Европы и Азии // Кузьмина-Караваева Е.Ю (Мать Мария). Жатва духа: Религиозно-философские сочинения. СПб., 2004. С. 469–518.
7. Письма отца Дмитрия Клепинина (1943) // Христианос. 1999. № 8. С. 66–101.
8. Семенов-Басин И. Священник Дмитрий Клепинин // Христианос. 1999. № 8. С. 33–40.
9. Фрагменты дневника Дмитрия Клепинина (1925–1932) // Христианос. 1999. № 8. С. 41–65.